

УДК 002.2:930
ББК 76.10+63
DOI 10.20913/1815-3186-2017-4-8-13

КНИГА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ¹

© С. Н. Лютов, 2017

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; e-mail: ser.lutov@gmail.com

В статье предпринята попытка историко-книговедческого осмысления концепта «память». Изучение мнений историков, социологов, книговедов позволило составить представление о роли книги и чтения в процессах сохранения памяти и формирования исторической составляющей общественного сознания. Проанализирована связь традиций книжности и памяти, выявлены негативные тенденции «разрыва с традицией» в сфере книжной культуры.

Ключевые слова: книга, книжная культура, история, память, историческая память, историческое сознание, чтение, традиция

Для цитирования: Лютов С. Н. Книга и историческая память // Библиосфера. 2017. № 4. С. 8–13. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-4-8-13.

Book and historical memory

S. N. Lyutov

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; e-mail: ser.lutov@gmail.com

The article presents an attempt to study the historical-bibliologic concept of memory. Studying the opinions of historians, sociologists, bibliologists allowed comprehending the role of book and reading in the processes of memory preservation and forming the public consciousness historical component. The author analyzes relationship between the traditions of bookishness and memory; negative tendencies of the «break with tradition» in a sphere of modern book culture.

Keywords: book, book culture, history, memory, historical memory, historical consciousness, reading, tradition

Citation: Lyutov S. N. Book and historical memory // *Bibliosphere*. 2017. № 4. P. 8–13. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-4-8-13.

Возрастание интереса к проблемам исторической памяти характерно, как правило, для переходных этапов в развитии общества, когда возникает острая необходимость анализа причин масштабных преобразований, поиска исторических аналогий с целью недопущения или преодоления негативных последствий процесса перемен. Примечательно в этом плане появление трудов по теории памяти известного французского социолога М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» (1925 г.) и «Коллективная память» (1945 г.), над которыми он работал в те годы, когда в Европе преодолевались последствия Первой мировой войны и разворачивалась трагедия очередной военной катастрофы.

Европейские научные школы занимаются данной проблематикой с середины прошлого века. Больше внимания ей уделяли социологи. Историки обратились к теме памяти позже. П. Хаттон, изучая историографию темы, отмечает, что проблема исторического статуса памяти стала, наконец, актуальной в 1980-е гг. [19, с. 33, 80]. В России изучение исторической памяти

вышло на новый уровень актуализации в конце XX – начале XXI в. в условиях смены цивилизационной парадигмы от постиндустриального этапа к информационному. Острота вопроса «с каким наследием человечество вступает в новый век информационной цивилизации?» повлекла за собой новое прочтение трудов европейских классиков и разработку на их основе научных концепций памяти. Постоянно расширяется диапазон междисциплинарного взаимодействия историков, философов, социологов, психологов, культурологов, деятелей литературы и искусства в исследовании различных аспектов памяти (коллективной, социальной, культурной, исторической).

При схожести общих подходов к пониманию памяти как совокупности информации о прошлом, об общем опыте, пережитом людьми совместно, специалистами различных отраслей гуманитарного знания детализируются и дискутируются вопросы об истоках и источниках исторической памяти, ее структурных элементах и механизмах влияния на общественное сознание, апробируются способы конструирования

¹ Работа выполнена в рамках комплексной программы СО РАН № II.2П «Интеграция и развитие».

прошлого и сохранения исторической памяти в условиях глобальных социокультурных трансформаций [12, с. 24]. При этом прослеживается интересная деталь: феномен «книга» незримо присутствует в большинстве публикаций (рукопись, текст, документ, литературное произведение и т. п.), но в прямой постановке вопрос о роли книги, книжной культуры в сохранении исторической памяти не изучался.

Попытки привлечения внимания книговедов, библиографов, специалистов библиотечного дела к этой теме были сделаны в рамках научных конференций «Румянцевские чтения», проведенных в Российской государственной библиотеке: «Вехи истории России в зеркале книжной культуры. Историческая память народа: из прошлого к будущему» (2010 г.), «Книга и историческая память (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне)» (2015 г.). Но докладчики освещали в большей степени актуальные проблемы истории книжной культуры через призму юбилейных мероприятий, патриотического воспитания. В научной периодике последних лет появились публикации, обращенные к проблемам памяти в контексте изучения концепта *социальной памяти* в библиографоведении [15], анализа работы библиотеки как института социальной памяти [4].

Полагаем, что введение в научную полемику дополнительных аргументов историко-книговедческого осмысления проблемы, которые представлены в статье, позволит акцентировать внимание исследователей на роли книги в сохранении исторической памяти.

Книга. Память. Сознание

Рассмотрение научных подходов к проблеме исторической памяти предварим интересным мнением известного писателя А. А. Ананьева о двойственном подходе к осмыслению концепта *памяти*. Он пишет: «Есть два способа сохранения исторической памяти. С одной стороны, это летописи, документы, архитектурные и иные памятники старины, позволяющие людям с нынешних высот проникать в самую глубь минувших тысячелетий и с той или иной степенью достоверности выстраивать всю последовательность происходивших событий, иначе говоря, рассматривать все с точки зрения науки, базирующейся на определенных и неоспоримых будто бы фактах, а с другой – когда та же история, те же события записываются не на глиняных черепках, папирусах или каким-либо другим современным способом, но наносятся на человеческие гены, на гены общества, народа, приспособивая таким образом (стихийно, бессознательно) данный народ или общество, как, впрочем, и каждого отдельного человека, к социальным и нравственным условиям окружающей их жизни. Сей генетический код <...> – это все та же, только не прочитанная еще летопись; и даже, может быть, в сто крат достовернее, чем то, что используется исторической наукой. Мы обычно стараемся вывести характер народа из исторических условий его жизни, большей частью придумывая эти условия и подгоняя их по своему произволу под тот или иной определенный шаблон, нужный правителю и заказанный им, тогда как не

лучше ли, не вернее ли было бы исходить из обратного, то есть из характера народа выводить историю и уже на основе этих полученных данных строить настоящее и будущее» [1, с. 146–147]. Это мнение мы не рассматриваем как бесспорное, особенно в части того, как из «характера народа выводить историю», но образные интерпретации «генетического кода», «непрочитанной летописи» и «нанесения исторических событий на человеческие гены» дают интересный исходный материал для анализа роли книги в сохранении исторической памяти.

Следует отдать должное проницательности писателя, усматривающего в толковании прошлого двойственный характер памяти. На существовании двух видов памяти – внутренней и внешней – базируются основные положения теории М. Хальбвакса. Внутреннюю память он называл личной, автобиографичной, индивидуальной, а внешнюю – социальной, коллективной, исторической [17]. Современные исследователи, в частности Л. Н. Мазур, в структуре исторической памяти (по очевидной аналогии с М. Хальбваксом) также выделяют два ее вида: индивидуальную (профессиональная, непрофессиональная) и коллективную (групповая, локальная, национальная, страновая, глобальная) [9]. То, что А. Ананьев называет *генетическим кодом*, а историки определяют как *историческую память*, – это, по сути, является ментальным ядром общественного сознания [16], определенным образом сфокусированным сознанием, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Определяя различие в понятиях *историческая память* и *историческое сознание*, Л. Мазур пришел к выводу, что память рассматривается чаще всего как функция, информационная основа и процесс исторического сознания, которое, в свою очередь, является частью общественного сознания [9]. Как видим, в той или иной интерпретации историческое сознание рассматривается как производное от индивидуальной и коллективной памяти.

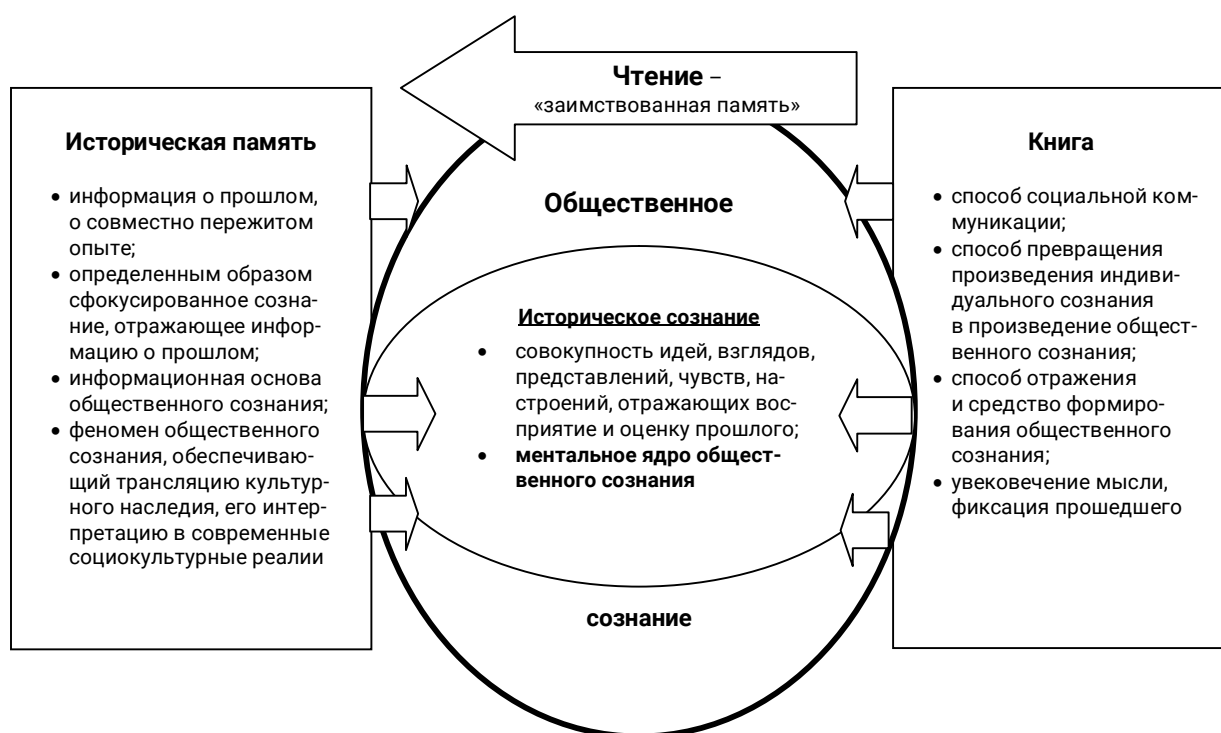
Чтобы определить роль и место книги в процессах сохранения памяти и формирования исторического сознания, надо понимать ее сущность как социокультурного феномена в истории культуры и ее функции в системе информационных коммуникаций. Книга в виде привычного ныне бумажного кодекса стала самым распространенным средством отражения и передачи любой социально значимой информации и приобрела, по утверждению Н. М. Куфаева, «все черты явления исторического» [6, с. 66]. Обратим внимание на сходство позиций Н. М. Куфаева и М. Хальбвакса по поводу фиксации информации о прошлом. Первый пишет кратко: «Слово книжное фиксирует то, что уже отошло» [6, с. 67]. По мнению второго, «потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя многих свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание.<...> Спасти эти воспоминания можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа – ведь слова и мысли умирают, а тексты остаются» [17].

По мере накопления книг возникла необходимость библиографии, имеющей, по утверждению П. Н. Беркова, «сохраняющее» значение для истории культуры и представляющей в своей совокупности «инвентарь всей многовековой культурной жизни народа, ... своеобразный отчет о достижениях народа во всех отраслях общественной жизни, но выраженный особыми приемами, характерными только для библиографии» [3, с. 19–20].

Приведенные выше мнения авторитетных в книговедении и библиографоведении ученых, а также аргументы современных исследователей о резервах влияния библиографии на социальную память, весьма убедительно показывают роль и значение книги в процессе фиксации исторических событий, обеспечения хранения и доступности для широкой аудитории информации о прошлом [14]. «Сущность книги, – по утверждению А. А. Беловицкой, – способ социальной коммуникации, то есть способ превращения, организации произведения индивидуального сознания в произведение общественного сознания... Книга реализует в обществе свои идеологические, политические, познавательные, воспитательные, эстетические функции и всегда была, есть и будет способом отражения и средством формирования общественного сознания» [2, с. 153, 156]. Такое толкование книги вполне определенно указывает на ее место и функции в механизмах сохранения памяти и формирования общественного сознания. Сопоставление идей, понятий и представлений М. Хальбвакса, Л. И. Репиной, Ж. Т. Тощенко, Л. Н. Мазура, М. Н. Куфаева,

А. А. Беловицкой и других позволяет представить место и роль книги в процессе формирования исторической памяти и исторического сознания (рисунок).

В схеме очевидной точкой пересечения исторической памяти и книги является *общественное сознание* в рамках его исторической составляющей. В процессе эволюции книжного дела и формирования канала книжной коммуникации определились свойственные книге возможности по сохранению исторической памяти и формированию исторического сознания. Книга может хранить и тиражировать исторические документы, доподлинно передающие информацию об исторических событиях (сборники документов, фотоальбомы), отражать субъективное видение тех же событий (мемуары, воспоминания), представлять научную интерпретацию совокупности исторических фактов (монографии, научные статьи), а может быть способом преобразования этих фактов и авторских представлений в художественный образ (художественная литература). Кроме того, книги и книжные коллекции, обладающие выдающимися духовными, эстетическими и документирующими свойствами, представляющие общественно значимую научную, историческую, культурную и материальную ценность, имеют статус книжных памятников. Не случайно М. Н. Куфаев подчеркивал, что «книга, мыслимая в своем всеединстве, по своему характеру входит в цикл явлений исторических» [6, с. 68]. А будучи явлением историческим, она имеет непосредственное влияние на формирование исторической памяти.



Книга в системе сохранения исторической памяти и формирования исторического сознания

A book in the system of preserving historical memory and forming historical consciousness

Чтение – «заимствованная память»

Выделяя предмет изучения, особенно в гуманитарных науках, важно не преувеличить его значение при анализе процессов, составляющих круг исследования. Изучение материалов о роли книги в формировании и сохранении исторической памяти порождает соблазн воспеть гимн книге, последовательно отразившей на своих страницах историю человеческого бытия. Своеобразными ограничениями такого соблазна являются рассуждения М. Хальбвакса о заимствовании памяти. В его монографии «Социальные рамки памяти», в главе «Реконструкция прошлого», есть немало ностальгических строк о перечитывании книг для «пробуждения воспоминаний» о том, как автор «переносит читателя на такой уровень, до которого тот не поднялся бы сам» [18, с. 119–120]. Обобщая эти впечатления, он позднее писал: «Я ношу с собой багаж исторических воспоминаний, который могу увеличивать при помощи разговоров или чтения. Но это заимствованная память» [17]. При этом разговорам (речи) М. Хальбвакс отводил более значимую роль, нежели чтению (книге). Надо полагать, что такое ранжирование обусловлено большей доступностью, можно сказать, повсеместностью устного канала коммуникации. Индивидуальная память у человека начинает складываться еще до того, как он овладеет навыками чтения. Чтение же – процесс более сложный, поскольку при чтении надо конструировать образ, а чтение исторических книг побуждает еще и к расширению представлений об эпохе, что невольно ведет к насаиванию интерпретаций – авторской, редакторской, читательской. «Прочтение источника, – как утверждает А. И. Макаров, – это его интерпретация или перекодирование с языка прошлого на язык настоящего. Когда происходит перекодирование с одного уровня символов (с языка источника) на другой уровень (на язык читателя), то возникающие при этом новые значения позволяют состояться пониманию, осознанию смысла текста» [10, с. 8]. По такой схеме посредством чтения (перекодирования) происходит заимствование информации из печатных источников, ее трансформация в индивидуальную память читателя и распространение в рамках исторической памяти социальной группы или общества, а осознание смысла текста оказывает влияние на индивидуальное и общественное сознание.

В современных условиях, когда конкурентом книжной культуры становится экранная культура, действие данной схемы сужается. В отличие от трудоемкого процесса поиска необходимых книг, заимствования памяти посредством чтения и конструирования образов, экранные технологии предлагают готовые привлекательные образы и исторические конструкции, визуализация которых сокращает путь к сознанию, формирует его по заданным алгоритмам. Анализируя происходящие перемены, специалисты приходят к выводам о том, что «кинематограф можно рассматривать в качестве одного из основных средств конструирования памяти» [9, с. 253], а современный процесс чтения при перемещении текста с книжной страницы на экран переживает, по мнению Р. Шартье, три

глобальные мутации: техническую (распространение новых устройств для чтения), текстовую (текст в электронном виде отличается от обычного печатного текста) и мутацию, связанную с восприятием текста (чтение не целиком, а кусками) [20]. Следствием этих мутаций является формирование так называемого клипового сознания, а в отношении книги и памяти сбывается предостережение П. Н. Беркова о том, что «...без книги забывается добытое знание и опыт» [3, с. 108–109].

Угроза «разрыва с традицией»

До недавнего времени в отношении к устоявшимся культурным традициям не усматривалось каких-либо опасений. Процессы глобализации и масштабных перемен поставили на повестку дня вопрос о ревизии традиций, что затронуло и сферу книжной культуры, и сферу памяти.

Традиционность книги усматривается по меньшей мере в двух проявлениях. Во-первых, она была и остается общечеловеческой ценностью, памятником материальной и духовной культуры, беспристрастным свидетелем всех значимых событий своей эпохи и их своеобразным отражением свойственными эпохе средствами книжного дела. Во-вторых, выполняя функцию последовательного накопления и передачи информации в виде знаний и опыта, книга является связующим звеном между поколениями. Это позволяет рассматривать книгу и как элемент наследия, и как способ наследования аккумулированных в ней ценностей, что по сущностным характеристикам сближает, но не отождествляет ее с традицией [8, с. 240].

Похожие характеристики обнаруживаются и при изучении феномена исторической памяти. С одной стороны, «реальное прошлое – это традиция, сохраняемый и передаваемый через поколения социальный опыт» [10, с. 8]. С другой – «социокультурные традиции в своей совокупности представляют собой форму формирования, проявления и функционирования коллективной памяти» [11, с. 77–78].

Своеобразие нынешнего времени заключается в том, что «сейчас начинает доминировать не естественное следование устоявшимся традициям, а искусное конструирование образов прошлого, закладывающих долговременные параметры порядка, определяющие развитие будущего» [5, с. 25]. Динамичное развитие информационных и социокультурных процессов вступает в противоречие с присущим традиции свойством «величайшей консервативности», в чем нобелевский лауреат Конрад Лоренц усматривает угрозу разрыва с традицией [7, с. 53].

Интересное толкование подмены традиции политизированной исторической памятью находим в статье И. М. Савельевой «Перекрестки памяти», опубликованной в качестве послесловия к книге П. Хаттона «История как искусство памяти». Она пишет: «В последние десятилетия историческая память стала рассматриваться, наряду с традицией и политизированными версиями истории, в качестве фактора, обеспечивающего идентификацию политических, этнических, национальных, конфессиональных и социальных групп,

формирующегося у них чувства общности и достоинства. Считается, что историческая память в какой-то мере восстанавливает необходимую для социума связь с прошлым, которую обеспечивала традиция, но в современном динамичном обществе даже «изобретенная», то есть определяемая настоящим, традиция перестает работать, ей на смену приходит социально детерминированная «историческая память», аисторичная в еще большей степени, чем традиция» [13, с. 417].

Разделяя эту позицию, отметим превращение некоторых традиционных свойств книжности и памяти в негативные тенденции. К примеру, автор исторического произведения всегда имел право на собственную интерпретацию исторических событий, фактов. Контроль над тем, чтобы его интерпретации не искажали историческую реальность, осуществляли редактор, издатель, цензор. В современном книжном бизнесе качество редакционно-издательской подготовки зачастую принесено в жертву оперативности в погоне за сенсационностью и прибыльностью произведения. Компьютерные технологии позволяют автору обращаться к читателю, минуя редактора и издателя, что порождает множество версий исторических событий, реальность которых не всегда подкреплена документами и фактами. Памяти, в свою очередь, всегда были свойственны вариативность и избирательность. При множестве версий вероятность выбора читателем той, которая в большей степени отвечает историческим реалиям, уменьшается. Надо полагать, эти обстоятельства имел в виду М. Хальбвакс, когда писал о том, что «коллективная память не совпадает с историей ..., история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [17].

Для современной ситуации исторической памяти, наряду с вариативностью, характерна гетерогенность (неоднородность, несогласованность), что, по утверждению Л. Н. Мазура, приводит «к эффекту разор-

ванной памяти, крайним проявлением которой становится историческая амнезия» [9]. Этому способствует разрушение традиционных устоев книжности. Понятия *авторитет книги*, *магия чтения* воспринимаются нынешним молодым поколением как пережиток прошлого. Переоценка истории после смены политических режимов и очередное переписывание учебников сопровождаются утратой уважения к «написанной» истории. Политизация исторической памяти и искусственное конструирование выгодных образов прошлого создают почву для манипуляции сознанием. Предпочтение в этой деятельности отдается оперативным, эффектным медийным средствам, а историко-культурный потенциал книги становится менее востребован.

Складывающаяся ситуация указывает на ключевую проблему книжной культуры – привлечение читателя, мотивированного к «заимствованию» из книги знаний и памяти. Система прошлого века, в которой были задействованы и отработаны все механизмы влияния книги на сознание (авторские коллективы, издательства, типографии, книготорг, библиотеки, образовательные учреждения), была подвергнута основательной реконструкции, прежде всего по идеологическим и экономическим причинам. Новые структуры, решающие, как правило, частные задачи, на уровень системного взаимодействия выйти пока не могут, а зачастую и не хотят. В условиях разобщенности нельзя добиться желаемого эффекта ни от традиционных подходов, ни от инноваций. Библиографы и библиотекари говорят о совершенно не заслуженном забвении рекомендательной библиографии, педагоги отмечают негативное воздействие чрезмерного увлечения компьютером в начальной школе и при изучении литературных произведений, при этом недостаточно используются новые технологии в книжной рекламе и возможности соцсетей в работе с читателями. А такие сферы существования социума, как историческая память и сознание, предполагают системное, целенаправленное и согласованное воздействие.

Список источников

1. Ананьев А. А. Лики бессмертной власти. Царь Иоанн Грозный. Москва, 1994. 624 с.
2. Беловицкая А. А. Общее книговедение. Москва, 1987. 256 с.
3. Берков П. Н. Избранное: труды по книговедению и библиографоведению. Москва, 1978. 264 с.
4. Кочукова Е. В., Цветкова В. А. Библиотека как институт социальной памяти // Библиография и книговедение. 2015. № 2. С. 46–49.
5. Кудашов В. И. Когнитивные особенности конструирования социально-исторической памяти // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки. Нижний Новгород, 2011. С. 25–34.
6. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Москва, 2004. 188 с.
7. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Так называемое зло. Москва, 2008. С. 7–83.
8. Лютов С. Н. Книжность как традиция // Берковские чтения 2013. Книжная культура в контексте междуна-

родных контактов : материалы междунар. науч. конф. (Минск, 16–17 мая 2013 г.). Минск ; Москва, 2013. С. 240–242.

9. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21845/1/iurg-2013-117-21.pdf> (дата обращения: 05.05.2017).
10. Макаров А. И. Историческая память: конструкция или реконструкция // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 4–10.
11. Ребещенкова И. Г. Риск «разрыва с традицией» в современном обществе: необходимость и возможность его устранения // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки. Нижний Новгород, 2011. С. 77–86.
12. Репина Л. П. История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. Москва, 2006. 768 с.
13. Савельева И. М. Перекрестки памяти // Хаттон П. Х. История как искусство памяти. Санкт-Петербург, 2003. С. 398–421.
14. Сафуллина З. А. Концепт социальной памяти в библиографоведении // Библиография и книговедение. 2015. № 2. С. 50–60.

15. Сафиуллина З. А. Социальная память как предмет библиотечно-библиографической диагностики // Библиография. 2016. № 3. С. 55–64.
16. Тошченко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 05.05.2017).
17. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html/> (дата обращения: 17.05.2017).
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва, 2007. 348 с.
19. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. Санкт-Петербург, 2003. 423 с.
20. Шартье Р. Компьютер уравнивает читателя и автора // Книжное обозрение. 2007, февр. URL: <http://1001.ru/arc/knigoboz/issue84/> (дата обращения: 05.05.2017).
8. Lyutov S. N. Bookishness as a tradition. *Berkovskie chteniya* 2013. *Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov: materialy mezhdunar. nauch. konf.* (Minsk, 16–17 maya 2013 g.). Minsk; Moskva, 2013, 240–242. (In Russ.).
9. Mazur L. N. *Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoi pamyati* [The image of the past: historical memory formation] URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21845/1/iurg-2013-117-21.pdf> (accessed 05.05.2017). (In Russ.).
10. Makarov A. I. Historical memory: construction or reconstruction. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2014, 1, 4–10. (In Russ.).
11. Rebeschchenkova I. G. The risk of «breaking with tradition» in the modern society: its elimination need and possibility. *Kollektivnaya sotsial'no-istoricheskaya pamyat' i vyzovy sovremennosti. Aktual'nye teoreticheskie ocherki*. Nizhnii Novgorod, 2011, 77–86. (In Russ.).
12. Repina L. P. *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni* [History and memory: the historical culture of Europe before the beginning of the new era]. Moscow, 2006. 768 p. (In Russ.).
13. Savel'eva I. M. Memory crossroads. *Khatton P. Kh. Istoriya kak iskusstvo pamyati*. Saint Petersburg, 2003, 398–421. (In Russ.).
14. Safiullina Z. A. The social memory concept in bibliography science. *Bibliografiya i knigovedenie*, 2015, 2, 50–60. (In Russ.).
15. Safiullina Z. A. Social memory as a matter of library and bibliographic diagnosis. *Bibliografiya*, 2016, 3, 55–64. (In Russ.).
16. Toshchenko Zh. T. Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2000, 4. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (accessed 05.05.2017). (In Russ.).
17. Khal'bvaks M. Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, 2/3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html/> (accessed 17.05.2017). (In Russ.).
18. Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.).
19. Khatton P. Kh. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as a memory art]. Saint Petersburg, 2003. 423 p. (In Russ.).
20. Shart'e R. Computer equalizes a reader and an author. *Knizhnoe obozrenie*. 2007, Febr. URL: <http://1001.ru/arc/knigoboz/issue84/> (accessed 05.05.2017). (In Russ.).

References

1. Anan'ev A. A. *Liki bessmertnoi vlasti. Tsar' Ioann Grozny* [Faces of immortal power. Tsar Ivan the Terrible]. Moscow, 1994. 624 p. (In Russ.).
2. Belovitskaya A. A. *Obshchee knigovedenie* [General bibliography]. Moscow, 1987. 256 p. (In Russ.).
3. Berkov P. N. *Izbrannoe: trudy po knigovedeniyu i bibliografovedeniyu* [Selected papers: works on bibliography and bibliology]. Moscow, 1978. 264 p. (In Russ.).
4. Kochukova E. V., Tsvetkova V. A. Library as an institution of social memory. *Bibliografiya i knigovedenie*, 2015, 2, 46–49. (In Russ.).
5. Kudashov V. I. Cognitive features of the construction of sociohistorical memory. *Kollektivnaya sotsial'no-istoricheskaya pamyat' i vyzovy sovremennosti. Aktual'nye teoreticheskie ocherki*. Nizhnii Novgorod, 2011, 25–34. (In Russ.).
6. Kufayev M. N. *Problemy filosofii knigi* [Problems of book philosophy]. Moscow, 2004. 188 p. (In Russ.).
7. Lorents K. Eight deadly sins of civilized humanity. *Tak nazyvaemoe zlo*. Moscow, 2008, 7–83. (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 08.09.2017 г.

Сведения об авторе: Лютов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией книговедения